

СЕРГЕЙ АРУТЮНОВ

ЛИЦО СО ШРАМОМ

Памяти Максима Ершова

Что-то перевернулось внутри: погиб Максим Ершов, чья двухметровая фигура в нашей изнищавшей словесности означала лично для меня, да и для многих понимающих цену слову, надежду на воплощение самых лучших её стремлений в ближайшие два-три десятилетия.

Максим воплощал в себе удивительный тип настоящего самородка, подлинного интеллектуала, овладевшего всей линейкой гуманитарного инструментария.

Но кроме того и помимо всего прочего, он был поэт, русский поэт, незаурядный истинно мужским взыскующим выкриком в бледное русское небо.

* * *

Он сам написал мне году в пятнадцатом. Вдруг захотел, чтобы мои стихи вышли в одном региональном журнале.

— Сергей, как поживаете?

— Привет, Максим. Попал на работу в Церковь, и рад этому несказанно. Статьи пишу.

— Та ваша подборка так и не пошла, хоть была одобрена. Но слышал, что вышла книга, рад, мне кажется, пора вам на большую дорогу. Крушить пора многих :) сам пишу критику, вроде получается, публикую у Куняева, в Москве, у Бондаренко. Н что-то много о себе думает, кажется:) и к NN не пробьюсь из своей дали. Церковь — это хорошо. Как в монгольские времена, это ядро, на которое есть последняя надежда...

“Монгольские времена” — известно, что такое. Русского человека не обманешь. Глянешь “розановским острым глазком”, и баскаки у нас рыщут, и в Орду за ярлыками ездят, и холопами оптом и в розницу торгуют, и крамола кругом. “Иго”. Только чьё, не различить.

Максим из своей Сызрани, которую и любил, и ненавидел, наблюдал столько всего, что взгляд его можно смело считать эталонным русским. Так и такой видят Русь теперь все наши зрячие.

* * *

В семнадцатом — беда.

— Сергей, я осуждён, нахожусь в ИК-13, связь тут плохая. Можно попросить вас о публикации моих стихов в журналах, которые сами сочтёте пригодными? Собираю материал для УДО.

— Конечно.

Я понял – надо выложиться. Поэт сидит, не кто-нибудь. Я знал его, и этого было достаточно. Экстренно отписал всем, кто мог помочь, и спустя месяц отослал Максиму ссылки на “Юность”, “Поэтоград” и “День и Ночь”.

Вызвали.

– Сергей, привет! Благодарю за помощь, всё получилось. Как дела? Я сейчас вышел, утрясаю первоначальные дела. В голове конечно, шум... Надо привыкать.

– Максим, я рад твоему освобождению, как ничему другому. <...> Шум уймётся, это совершенно точно. И работа найдётся. Мне кажется, лучшее, что есть у человека – его угол, где пахнет чуть отсыревшими обоями, на которые можно смотреть бесконечно. Дальше на земле не отступишь... но кто вообще сказал, что мы обязаны отступить и терять?

* * *

А потом он приехал. В Литинститут. За дипломом. И ко мне на семинар. Было самое начало октября, как раз те дни, когда поминают жертв 1993 года. Максима долго не пускали на вахте, охранник опять не к месту припомнил должностные инструкции. Разведя руками, я пошёл договариваться к ректору, проректору, кому угодно, только бы пустили. Звонил тем, чьи телефоны были. Пошёл в аудиторию предупредить, что припозднимся на пять минут, снова побежал к вахте, а когда вернулся, обнаружил, что Максим уже просочился и, довольный, возвышающийся над всеми, сидит в аудитории.

– Рад был встрече, Сергей, спасибо за тепло.

Ему было холодно.

*Я заржавленный столб
во степи,
где дожди и метели
мирадами нот
обрывают
мои провода.*

* * *

Его похоронят в Сызрани, и похороны вряд ли будут многолюдными. Я не успею на них, и кто только на них не придёт из тех, кто обязан Максиму его полночными думами.

Что же вышло? И когда он получил свой крупный шрам, вовсе не уродовавший его, а делавший его лицо скорее радостным, а не пришибленным? Догнала зона? Его догнала Россия. Это сама русская жизнь решила, что ему пора. И кто теперь напишет апелляцию к высоким инстанциям?

Я напишу.

Я скажу так: дорогая русская жизнь, пожалуйста, отмени своё решение, вызванное твоей крайней неразборчивостью и скоропалительностью. Ты не понимаешь, так ещё не поздно. Верни его нам, пожалуйста. Оставь Максима в живых, излечи его от ран, и даруй ему... Впрочем, что мои ходатайства, когда вот уже середина марта, оттаивает земля, и начинают петь проворные синицы, и мы изготавливаемся, вернее, изловчаемся, как можем, к лету, а Максим почему-то машет нам из того далека, откуда ни в Москву, ни в Белгород, ни в Самару, ни в Сызрань.

Навеки “Вконтакте” останутся те наши две совместных и единственных фотографии там, в ночи, едва освещённые отблесками своей эпохи, своего времени.

Чувствую сейчас одно: ты во мне жив. Я виноват: на книжку твою, с трудом пересланную мне, не откликнулся, замотался, а на последнюю статью твою вообще отреагировал нервно – уж больно, прости, не прилежащую к поэзии в моём понимании персоналию ты для неё выбрал. Досаду-то я успел выместить, да только ты не ответил.

Ты жив. Просто удалился из социальных сетей, “временно вне зоны доступа”. А может, и есть он, доступ, а я не знаю туда ни логина, ни пароля...